

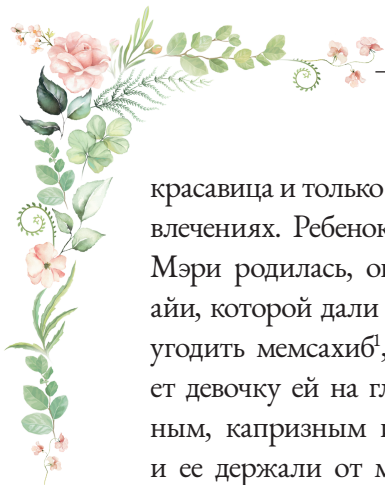
Глава первая

«Никого
не осталось...»

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у нее были желтые и лицо тоже желтое, ибо родилась она в Индии и все время чем-то болела. Отец ее был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была

красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребенок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала ее на попечение аий, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб¹, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и ее держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, ее тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, ее всегда окружали темные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всем уступали — ведь мемсахиб рассердится, если ее потревожит плач ребенка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить ее читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

¹ Мемсахиб (*англо-индийск.*) — госпожа (так слуги называли англичанок).

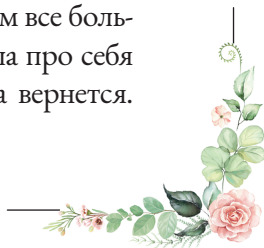

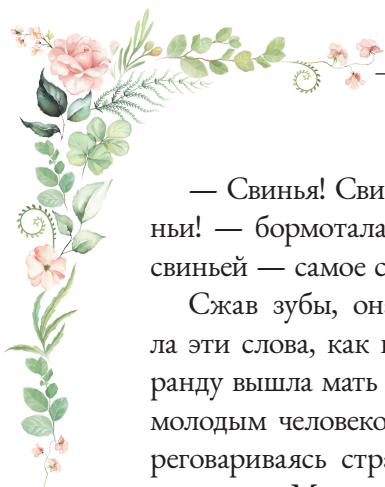
Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не айя, а какая-то незнакомая служанка, еще пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою айю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что айя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить ее и пинать, та только в ужасе повторяла, что айя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро все было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставались в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и айя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем все больше и больше сердилась и бормотала про себя все, что выскажет Сейди, когда та вернется.

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньей — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушенными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но еще внимательнее — свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так ее называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Ее шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздернут, а огромные глаза смеялись. Она носила легкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза ее не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

— Неужто это так серьезно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам еще две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий прием. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился все громче и отчаяннее.

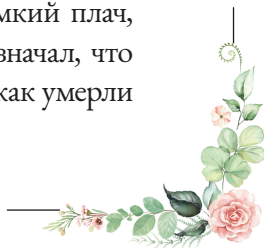
— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс. У нее перехватило дыхание.

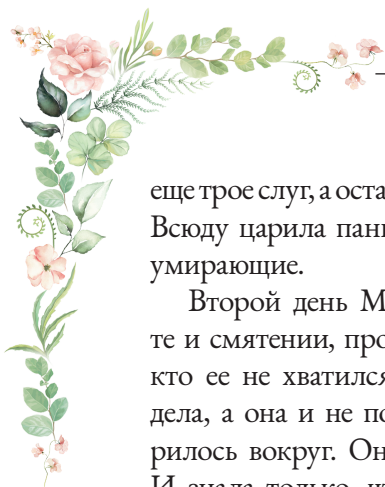
— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдемте! Пойдемте!

Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что ее няня умерла. Не прошло и дня, как умерли

еще трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царила паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто ее не хватился, никому не было до нее дела, а она и не подозревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе еще стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро ее стало клонить ко сну, она вернулась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготней в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у нее просто слипались; она улеглась на постель и надолго забылась.

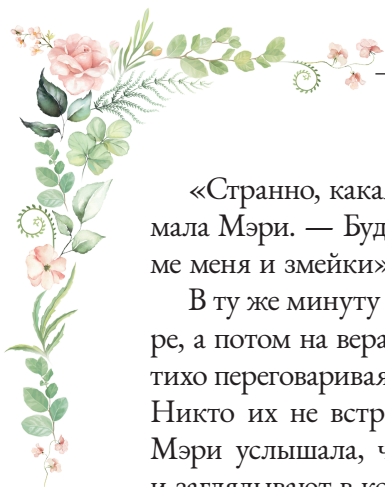
Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако ее не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжелое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царила полнейшая тишина. Такого еще никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и все опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда айя умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую айю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших ее напугали, и еще она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь ее никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всем, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придет за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось все тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидала маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверь.

«Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

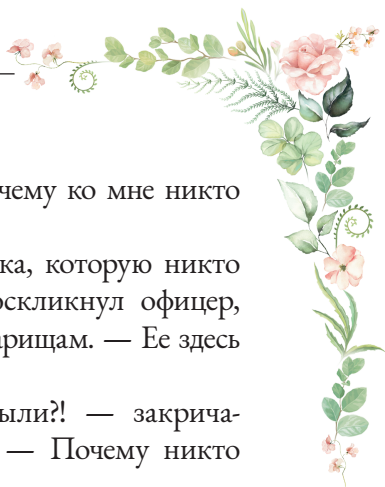
— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у нее была девочка, хотя ее никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и насупленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошел высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с ее отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав ее, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребенок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал ее дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разразилась холера, и толь-

ко сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идет?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Ее здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идет?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на нее. Мэри даже показалось, что он сморгнул слезы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у нее нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нем и правда не было никого, кроме нее и маленькой быстрой змейки.

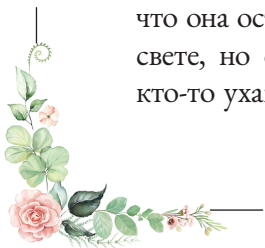

Глава вторая
«Мистрис Мэри»

Мэри привыкла смотреть на мать издалека и любоваться ее красотой, но она ее почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала — как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, ее, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она была еще мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так веч-

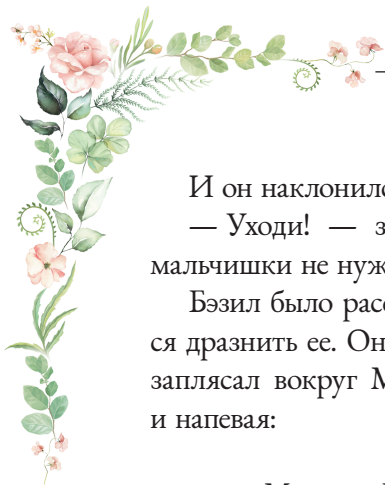
но и будет. Беспокоилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадет, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как ее айя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что ее не оставят в доме английского священника, куда ее устроили поначалу. Да она и не хотела там оставаться. Священник был беден, а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня через два никто уж не хотел с ней играть. И дня не прошло, как они дали ей прозвище, которое привело ее в ярость.

Придумал его Бэзил. Это был небольшой мальчишка с дерзкими голубыми глазами и вздернутым носом; Мэри его ненавидела. Она играла одна в тени под деревом, совсем как в тот день, когда разразилась холера. Она насыпала кучками землю, как будто это клумбы, а между ними дорожки, как вдруг явился Бэзил, встал неподалеку и стал смотреть, что она делает, а потом заинтересовался и предложил:

— А ты не хочешь насыпать кучку камней — тогда у тебя получилась бы горка? Вот здесь, в середке.

И он наклонился, чтобы показать.

— Уходи! — закричала Мэри. — Мне мальчишки не нужны! Убирайся!

Бэзил было рассердился, а потом принялся дразнить ее. Он вечно дразнил сестер. Он заплясал вокруг Мэри, корча рожи, смеясь и напевая:

Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своем саду?
Серебряные бубенчики,
Ноготки и лебеду.

Он пел и пел эту песенку, пока его не услышали остальные и не присоединились к нему; чем больше Мэри сердилась, тем больше они ее дразнили; и пока она жила у них, они так и звали ее и в лицо, и за глаза: «мистрис Мэри, злючка Мэри».

— Тебя отправят домой, — объявил ей Бэзил. — В конце недели. И прекрасно! Мы этому очень рады!

— И я тоже рада, — отвечала Мэри. — А куда это — домой?

— Она не знает, что такое «домой»! — закричал семилетний Бэзил, с презрением глядя на нее. — В Англию, конечно. Там наша бабушка живет. Нашу сестру Мейбл посыла-

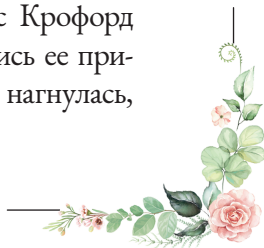
ли к ней в прошлом году погостить. Только ты едешь не к бабушке. У тебя нет бабушки! Ты едешь к своему дяде. Его зовут Арчибальд Крейвен.

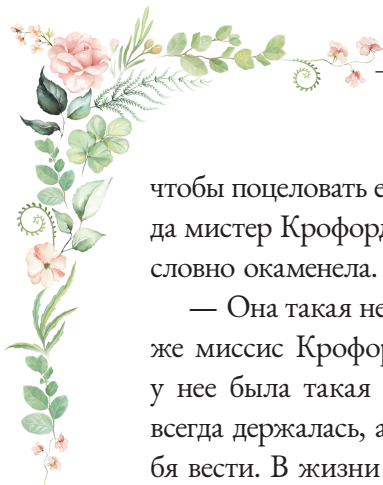
— Не знаю такого, — отрезала Мэри.

— Ну конечно, не знаешь, — согласился Бэзил. — Ты ничего не знаешь. Девчонки вообще никогда ничего не знают. Я слышал, как папа говорил о нем с мамой. Он живет в деревне, в большом обветшалом старинном доме, с ним никто не знается. У него такой дурной нрав, что он никого к себе близко не подпускает. Да если б и подпускал, все равно никто бы к нему и не пошел. Он такой противный! И горбун!

— А я тебе не верю, — заявила Мэри, поворачиваясь к нему спиной и затыкая пальцами уши. Она не желала больше этого слушать.

Но позже она долго размышляла над его словами; и когда миссис Крофорд сказала ей вечером, что через несколько дней ее отошлют на пароходе к дядюшке, мистеру Арчибальду Крейвену, который живет в Мисселтвейт Мэноре, она молчала с таким безразличным видом, что мистер и миссис Крофорд совсем растерялись. Они попытались ее приласкать, но, когда миссис Крофорд нагнулась,

чтобы поцеловать ее, Мэри отвернулась, а когда мистер Крофорд похлопал ее по плечу, она словно окаменела.

— Она такая некрасивая, — заметила позже миссис Крофорд с жалостью. — А мать у нее была такая красавица! И так изящно всегда держалась, а Мэри совсем не умеет себя вести. В жизни не видала такого невоспитанного ребенка! Дети прозвали ее злючкой. Они, конечно, шалуны, но их можно понять.

— Возможно, если бы ее красивая и изящная мать больше времени проводила в детской, то Мэри переняла бы ее манеры, — возразил мистер Крофорд. — Бедняжка, ее уже нет в живых, но, как это ни грустно, раньше многие даже не подозревали, что у нее есть дочь!

— Она почти и не виделась с девочкой, — вздохнула миссис Крофорд. — Когда умерла нянька, о ребенке некому было и вспомнить. Подумай только, слуги разбежались и бросили ее одну в доме! Полковник Мак-Гру говорит, он чуть не упал от неожиданности: открыл дверь — а она стоит посреди комнаты!

Долгое путешествие в Англию Мэри провела под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-пансион. Эта дама была так поглощена своим малень-

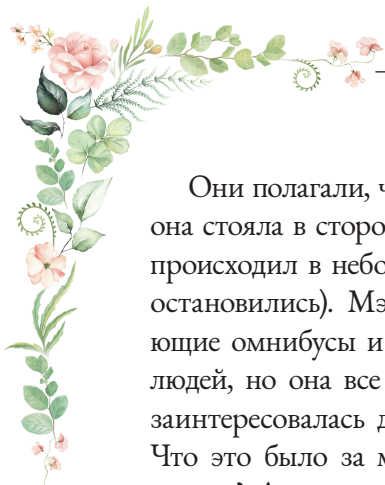
ким сыном и дочкой, что с радостью передала Мэри женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за ней в Лондон. Это была экономка из Мисселтвейт Мэнора, полная краснощекая женщина с пронизательными черными глазами по имени миссис Медлок. На ней было лиловое платье, черная шелковая мантилья с бахромой из стекляруса и черная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые вставляли дыбом, стоило ей тряхнуть головой. Мэри с первого взгляда ее невлюбила; впрочем, неудивительно: ей редко кто нравился, да и на миссис Медлок она явно не произвела приятного впечатления.

— Ну и ну! — протянула миссис Медлок. — До чего же неказиста! А мы-то слышали, что мать у нее была красавица. Она от нее ничего не взяла, правда, сударыня?

— Возможно, с возрастом выправится, — добродушно возразила офицерская жена. — Все бы ничего, будь у нее румянца побольше да манеры получше. Черты лица у нее неплохие. Дети со временем сильно меняются.

— Да, придется ей очень сильно измениться, — отвечала миссис Медлок. — Только в Мисселтвейте детям выправляться не с чего — вот что я вам скажу!

Они полагали, что Мэри их не слышит — она стояла в стороне, глядя в окно (разговор происходил в небольшой гостинице, где они остановились). Мэри смотрела на проезжающие омнибусы и кебы, на спешащих мимо людей, но она все хорошо слышала и очень заинтересовалась дядюшкой и его именем. Что это было за место? И каким окажется он сам? А что такое «горбун»? Она горбуна никогда не видела. Может, их в Индии нет?

Теперь, когда Мэри жила по чужим домам и у нее больше не было айи, она чувствовала себя совсем одинокой, странные мысли стали приходить ей в голову, прежде ей совсем незнакомые. Почему, думалось ей, ее никто не любил, даже когда ее родители были живы? Других детей их отцы и матери любили, а ей никто ни разу не сказал: «Моя девочка!» У нее были слуги, еда и одежда, но никто не обращал на нее внимания. Это происходило оттого, что она ни в ком не вызывала симпатии; но она этого не знала. Ей часто не нравились другие, но она и не подозревала, что и сама производит на других неприятное впечатление.

Миссис Медлок с простецким румяным лицом и смешной шляпкой ужасно не понравилась Мэри. Когда на следующий день они

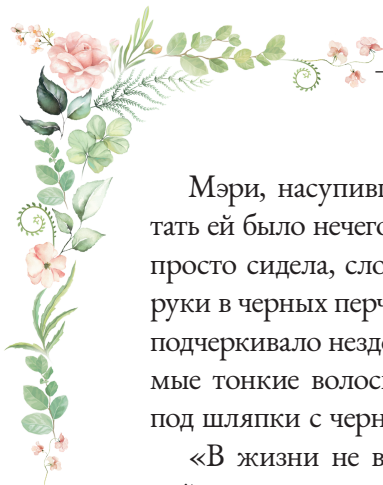
отправились в Йоркшир, Мэри прошествовала по платформе к поезду, высоко подняв голову и стараясь держаться от нее на расстоянии: ей не хотелось, чтобы люди реши-ли, будто она, Мэри, имеет к миссис Медлок какое-то отношение. Этого еще недоста-вало!

Но миссис Медлок не было дела до Мэри и ее чувств. Она была из тех женщин, кото-рые, по ее собственному выражению, «не тер-пят от детей никаких капризов». Так бы она, по меньшей мере, заявила, если б ее спроси-ли. В Лондон она поехала против воли — на тот день как раз была назначена свадьба ее сестры Марии, но она дорожила местом в Мисселтвейте, жалованье там было хоро-шее, и ей ничего не оставалось, как беспрекос-ловно выполнить распоряжение мистера Ар-чибальда Крейвена. Она даже спросить его ни о чем не решилась.

— Капитан Леннокс с женой умерли от хо-леры, — сказал ей мистер Крейвен, как всегда холодно и четко. — Капитан Леннокс — род-ной брат моей жены, теперь я опекун их доче-ри. Надо доставить сюда ребенка. Вы поедете в Лондон и привезете ее.

И миссис Медлок уложила саквояж и по-ехала в Лондон.

Мэри, насупившись, забилась в угол. Читать ей было нечего, смотреть не на что, и она просто сидела, сложив на коленях худенькие руки в черных перчатках. Черное платье лишь подчеркивало нездоровый цвет ее лица, а прямые тонкие волосы некрасиво выбились из-под шляпки с черным крепом.

«В жизни не видывала такой набалованной девочки», — думала миссис Медлок, подразумевая, что в жизни не видела ребенка, который сидел бы так неподвижно и ничем не был занят. Наконец миссис Медлок надоело разглядывать Мэри, и она заговорила.

— Я, пожалуй, пока расскажу тебе, куда ты едешь, — произнесла она резким строгим голосом. — Ты что-нибудь знаешь о своем дядюшке?

— Нет, — отвечала Мэри.

— Разве ты никогда не слышала, что говорили о нем родители?

— Нет, — повторила, нахмурясь, Мэри. Нахмурилась она оттого, что родители вообще с ней почти не говорили. И уж конечно, ничего ей не рассказывали.

— Гм, — пробормотала миссис Медлок, всматриваясь в замкнутое личико своей неразговорчивой спутницы. С минуту она молчала, а потом произнесла: — Придется

мне все-таки тебе кое-что рассказать... Подготовить тебя, что ли?.. Ты едешь в странное место.

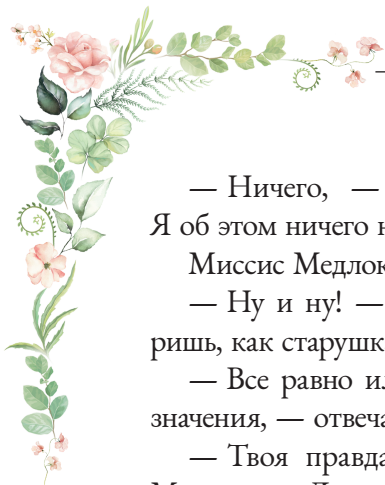
Мэри молчала. Ее нескрываемое безразличие на миг смутило миссис Медлок, однако она набрала воздуха в легкие и продолжала:

— Ничего не скажу, дом великолепный, хотя очень древний и мрачный, и мистер Крейвен по-своему им очень гордится, только от этого не веселее. Дому шестьсот лет, и стоит он на самом краю пустоши, в нем чуть не сотня комнат, только все почти закрыты — заперты на ключ. И картины там есть, и прекрасная старинная мебель, и всякая другая старина, а вокруг большой парк, сады и деревья с ветвями чуть не до самой земли — не все, конечно, но есть и такие. — Она остановилась и снова набрала воздуха в легкие. — Но больше там ничего нет.

Мэри невольно начала прислушиваться к ее словам. Все это было так не похоже на Индию, а новизна ее привлекала. Но ей не хотелось показывать, что рассказ экономки ее заинтересовал. Это была одна из самых неприятных ее привычек. Она продолжала сидеть без движения на своем месте.

— Вот оно как, — заключила миссис Медлок. — Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего, — проговорила Мэри. — Я об этом ничего не знаю.

Миссис Медлок только хмыкнула в ответ.

— Ну и ну! — сказала она. — Ты говоришь, как старушка. Тебе что, все равно?

— Все равно или не все равно, не имеет значения, — отвечала Мэри.

— Твоя правда, — согласилась миссис Медлок. — Для чего тебя везти в Мисселтвейт Мэнор, я не знаю, разве что так ему, может, удобнее. Уж он-то не будет себя из-за племянницы утруждать, можешь мне поверить! Он еще никогда ни для кого себя не утруждал.

Тут она смолкла, словно вовремя вспомнив о чем-то.

— У него позвоночник искривлен, — сказала она. — Верно, потому он такой! Смолоду кислого был нрава, никакой радости от своего имения и денег не имел, пока не женился.

Как ни старалась Мэри показать, что ей все безразлично, но не удержалась и перевела взгляд на экономку. Она и не подозревала, что горбун может жениться, и это ее слегка удивило. Миссис Медлок заметила ее интерес; она любила поболтать и потому с воодушевлением продолжила свой рассказ — ведь за рассказом и время идет быстрее.

— Жена у него была до того миленькая, до того хорошенькая, что́ она у него ни попроси, он бы всю землю обошел, а ее желание исполнил. Ни у кого и в мыслях не было, что она за него замуж пойдет, а она вот возьми да выйди. Люди болтали, что из-за денег, только это неправда. Нет, неправда! — Это слово миссис Медлок произнесла с убеждением. — И когда она умерла...

Мэри вздрогнула.

— Как! Она умерла? — переспросила она, забыв о своем решении молчать.

Она вспомнила французскую сказку под названием «Рикке-хохолок», которую как-то читала. В ней рассказывалось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало очень жаль мистера Арчибальда Крейвена.

— Да, умерла, — повторила миссис Медлок. — А он после этого стал еще чуднее. Ни о ком не думает. Никого видеть не желает. Все больше путешествует, а когда придет, то запирается на своей половине — это в западном крыле — и никого к себе, кроме Питчера, не пускает. Питчер уже старик, он за ним еще за маленьким ухаживал и знает его привычки.

Все это больше походило на историю из книжки, но Мэри от этого не стало весе-

